

*Посвящается Стивену и Элен Келлогг
с благодарностью за чудесную дружбу
и
нашей дорогой Маргарет Махи,
которая познакомила нас с первоисточником.
К. П. и Дж. П.*

Вселенная полна волшебных
вещей, которые терпеливо ждут,
когда мы о них догадаемся.

Иден Филлпотс (1862–1960)

Глава 1

ФАМ ДЕЛАЕТ АМУЛЕТ

Много лет назад, скажем, тысяч пять или около того, на юге Англии, в местности под названием Дартмур обитали люди, которым в голову не приходило мастерить что-либо из железа и тем более из пластмассы. Дома у них были из камня, топоры из камня, наконечники стрел и копий тоже из камня. Из самых крупных камней они выкладывали круги, линии, квадраты и прочие фигуры, значение которых никто сегодня толком не понимает — а может, не понимали и они. Камней повсюду валялось столько, что, если какое-нибудь племя желало затеять войну с другим племенем, они просто швырялись друг в друга камнями. Вы, наверное, уже догадались, что время, в которое жили эти древние люди, теперь называется каменным веком. Племена каменновечников обитали на поросшей вереском пустоши: куда ни глянь, каменистые гряды, низины да торфяные болота. Не лучшее место

для земледелия, до которого они, впрочем, ещё не додумались. Реки, что протекали по пустоши, кишели рыбой, на суше в изобилии водилась дичь, вдобавок люди разводили овец и иную скотину, так что питались рыбой, мясом, из шкур шили одежду, а вместо портновских игл у них были рыбы кости.

В племени, что жило в каменной деревушке Гримспаунд, было два очень важных человека. Первым и самым важным считался вождь, великий воин, которого звали Брокотокотик, но, поскольку имя его было длинным и тем, кто не слышал о часах с кукушкой, выговорить его было очень непросто, за глаза подданные называли его просто «Брок». Вторым важным человеком племени был шаман, который жил неподалёку от деревни. Имя у него было самое заурядное, и произносить его было легко: звали его Фам. Несмотря на такое простое имя, в племени Фам считался кем-то вроде лорда-канцлера и лорда — главного судьи. Ещё он был единственным лекарем на всю округу и единственным же придворным поэтом. Это значило, что всякий раз, как у вождя случался день рождения, или он выигрывал битву, или жена его разрешалась от бремени, Фама просили сочинить песню в честь этого события. А поскольку письменность ещё не создали, Фаму приходилось сочинять мысленно и петь по памяти; дело это непростое, потому что в некоторых песнях бывало куплетов по двести и больше. Ещё он мастерил из кремня разные вещи: наконечники стрел, копий и прочие полезные штуки.

Но шаманом Фам стал благодаря удивительной способности делать из кремня амулеты, которые отпугивали болотных страшилищ. Он уверял, что изготовить такой амулет очень сложно и что у него это получается, лишь когда на него снисходит Дух грома. (Люди почитали это чудом, на самом же деле Фам их ловко обманывал. Духа грома он видел раза два от силы и вряд ли когда-нибудь встретится с ним снова.) Денег ещё не существовало, и те, кто хотел амулет, давали

за него одну живую овцу, а если амулет требовался исключительно сильный, то и две.

Однажды Фам мастерил из кремня брошь, которую вождь Брокотокотик собирался подарить жене, но работа не спорилась. Он испортил несколько прекрасных кусков кремня, когда в дверях (хотя на самом деле это были никакие не двери, а просто-напросто шкура, свисавшая с каменной балки на входе в каменную мастерскую Фама) показался юный воин по имени Фаттфатт.

— В племени тебя почитают за мудреца, — не утруждая себя приветствием, произнёс Фаттфатт, — так ответь мне, почему вождь у нас Брок, а не я.

От неожиданности Фам выронил каменный молоток и разбил очередной кусок кремня.

— Что ты имеешь в виду, Фатт? (Юного воина все звали Фаттом — и в глаза, и за глаза).

— Если помнишь, в последней великой битве я убил четырнадцать человек и ещё десятирех ранил.

— Помню, конечно, — согласился Фам. — Если ты не забыл, я сложил в честь победы красивую песню.

— Тогда ты наверняка помнишь, что, когда уцелевшие пустились наутёк, именно я снял с трупа их вождя жилет из белых кротовых шкур да ещё прихватил юбку из чернобурки, принадлежавшую его жене.

— Чистая правда, — подтвердил Фам.

— Тогда ответь: кто в них ходит теперь?

— Как кто, мистер и миссис Брокотокотик в них ходят, — сказал Фам.

— Вот именно. Он отобрал их у меня. Захапал всё лучшее, а что похуже оставил мне. Дескать, это его право. Вот я и хочу знать почему.

— Потому что он сильнее тебя.

— Чушь, — возразил Фатт. — Я сильнее, я моложе, да и мышцы у меня больше. Я, как и он, принадлежу к ордену Перя Серой Цапли. (И он указал на перо серой цапли, которое носил за ухом, — кроме этого пера да медвежьей шкуры на юном воине больше ничего не было. Это перо жаловали только тем, кто убил полсотни с лишним врагов, поэтому Фатт так гордился, что принадлежит к ордену П.С.Ц.) — Сам он в последней битве, — продолжал Фатт, — убил всего семерых мужчин и одного мальчишку. Вот тебе доказательство, что я воин получше, чем старина Брок.

— Гм, — сказал Фам. — Может, как воин ты и лучше, но как человек слабее. Силы воли у него больше. Он прирождённый вождь, а ты нет. Если ты хочешь править этим племенем, тебе придётся стать жестоким, как волк. В этом он превосходит тебя, мой мальчик, ты слишком мягкосердечен.

— Твоя правда, — подумав, согласился Фатт. — Значит, ты должен сделать мне амулет, который ожесточит моё сердце — и чем сильнее, тем лучше.

Фам снова хмыкнул.

— Сделать-то можно, но зря ты это затеял.

— А коли можно, так сделай, — упёрся Фатт. Фам покачал головой.

— Если я смастерю тебе такой амулет, в нашем племени не будет мира, пока ты не станешь вождём.

— Если твой амулет окажется сильным, много времени это не займёт. Ты знаешь, какое жестокое у Брока сердце. Ожесточи моё сердце вдвойне, и тогда...

— Это ещё не всё, — перебил Фам. — Да, ты станешь вождём, но племя тебя разлюбит. Брок — вождь, но его не любят. Его не встречают радостными криками, как тебя. Дети не плетут для него венки из наперстянок, женщины не нижут для него ожерелья из волчьих клыков, как для тебя.

— Ха! — крикнул Фатт. — Кому нужны эти сопливые прилипалы и ожерелья из волчьих клыков? Я хочу белый кротовый жилет и власть... безграничную власть!

Фам, как все лучшие шаманы, ценил мир, поэтому принялся отговаривать Фатта, но тщетно. Наконец его осенило.

— Между прочим, — заметил он, — такой амулет стоит ужасно дорого.

— Сколько именно? — уточнил воин.

— Намного дороже, чем ты можешь себе позволить, — ответил Фам, радуясь, что выкрутился из затруднительного положения.

— Сколько? — не унимался Фатт.

«Надо непомерно задрать цену», — подумал Фам и ответил:

— Тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка.

Фам вздохнул с облегчением: он был уверен, что Фатт в жизни не заплатит такую цену, даже если бы и мог.

Фатт глубоко задумался, и Фам добавил:

— Да и что проку в жестоком сердце, мой мальчик? Мягкое сердце получает награду куда более приятную, а быть вождём такого племени, как наше, — это тебе не чернику собирать. Лучше знаешь что? Давай-ка я смастерю тебе отличный амулет, который помогает ловить белых кротов. Ты поймаешь их столько, что вскоре твоя жена сошьёт тебе жилет из шкур куда лучше, чем те обноски, в которых щеголяет вождь: мне говорили, они все трачены молью...

Но Фатт не слушал.

— И твой амулет ожесточит моё сердце вдвое против Брокова? — уточнил он.

— Да, но и тягот у тебя прибавится вдвое.

— И справиться с ними я сумею вдвое ловчей.

Фам отчаялся разубедить упряма: тот ушёл домой считать овец и ягнят. Оказалось, что у него ровно тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка. Его стада хватало, чтобы оплатить обещанный амулет. На следующий день довольный Фатт вернулся к шаману.

— Но это же весь твой скот! — возразил Фам. — У тебя ничего не останется.

— А ты не так умён, как кажешься, — ответил Фатт. — Когда моё сердце ожесточится, я получу столько овец, сколько захочу. И коров. И вообще всё, что пожелаю, если уж на то пошло. Ну что, когда ты отдашь мне амулет?

Фам вздохнул.

— В лучшем случае через месяц. Но ты должен понимать: кремень — камень коварный, никогда не знаешь, расколется ли он, как задумано.

— Я вернусь через месяц, — сказал Фатт. — И как только ты отдашь мне амулет, моих овец и ягнят перегонят к тебе на двор.

И Фатт был таков. Фам взял камень, намереваясь для пробы постучать по нему топором, как вдруг случилось чудо. С первого же удара кремьень раскололся на трое, и та часть, что посередине, вышла в виде чёрного сердца с дырой. Фам изумился. Одним ударом топора он заработал тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка. Странное чувство овладело Фамом. Он понимал, что такие вещи не происходят случайно. Это значит лишь одно: ему помог великий, ужасный и лукавый Дух грома. Фам подумал было выбросить Каменное сердце в реку, но за такое Дух грома ударит в него и сожжёт дотла. Так случилось давным-давно с шаманом по имени Сминт, дерзнувшим рассориться с Духом грома. От Сминта остался лишь уголёк размером с кокос.

Делать было нечего: Фам выскочил из мастерской и окликнул Фатта, который, по счастью, не успел уйти далеко.

Представьте себе удивление Фатта, когда он увидел Каменное сердце. Он ведь только ступил за порог! Фатт решил,

что Фам за здорово живёшь выманил у него тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка, о чём Фатт, не колеблясь, и объявил.

— Хочешь — бери, не хочешь — уходи, — ответил Фам. — И, как по мне, лучше бы ты его не брал. В противном случае ты об этом ещё пожалеешь, и это так же верно, как то, что меня зовут Фам.

— Увидим, — ответил Фатт.

Он привязал к амулету кожаный шнурок, повесил на шею и отправился взглянуть на себя в пруд у мастерской Фама. Но вместо своего отражения увидел в воде жуткого чёрного призрака. Тот не был уродлив, но глаза у него были странного медного цвета, точь-в-точь как небо перед грозой. Перекрученные, извивающиеся, точно языки пламени, розово-синегненные пряди волос ниспадали ему на лоб. Фатт шарахнулся от пруда и заметил в небе зловещий образ, который только что видел в отражении.

— Смотри! — сказал Фам. — Дух грома! Прислушайся. Он говорит!

Тут раздались раскаты грома. С небес загремела, загрохотала страшная музыка.

— Вот видишь, что ты натворил, — заметил Фам. — Не хотел бы я оказаться на твоём месте, даже если бы мне отдали всех овец Дартмура.

Но Фатт оправился от потрясения, улыбнулся и кивнул.

— Хватит уже, Дух грома, — крикнул он в небо. — Мы вообще-то не глухие.

У Фама отвисла челюсть. Как посмел Фатт дерзить Духу грома? Фам ожидал, что надменного воина тут же обратят в уголёк, но, видимо, Духа грома позабавило, что эта двуногая букашка осмелилась ему перечить. Он расхохотался так, что земля содрогнулась, и, облекшись в облака, унёсся с грозой прочь.